

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в этой книге представлено понимание феномена гражданина как социокультурной роли правоспособной личности, члена гражданского общества и национального государства, роли субъекта прав и обязанностей, требуемой индивидом и предписываемой ему культурой и политической системой конкретного государства в целях достижения общего блага гражданской нации. Также автор считает, что исполнение роли гражданина предполагает реализацию целого набора функций, связанных с необходимостью участия личности в воспроизводстве и изменении социальных и политических институтов и их ценностных основ. Это понимание было погружено в контекст современного политического порядка в России. Что получилось в результате такого испытания – судить читателям, для нас важно сейчас зафиксировать некоторые выводы.

С позиции доминирующего официального дискурса и формально-юридического подхода решение искомой проблемы выглядит так: в России установлен институт гражданства, следовательно, все лица, которых по закону о гражданстве можно признать гражданами, таковыми и являются. Но какова действительная возможность реализовать роль гражданина в России для массы населения? Доступно ли для каждого россиянина иметь гражданство РФ именно как «устойчивую правовую связь человека с государством, выражающуюся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанную на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод гражданина» [Федеральный закон № 62-ФЗ, 2002]?

Содержание, или реальное наполнение, института гражданства представляет собой систему осуществляющихся на практике прав и обязанностей гражданина и государства. Реализация вытекающих из гражданства прав является комплексным критерием эффективности государства и зависит от многих институциональных условий в государстве, и прежде всего от государственного суверенитета, территориального устройства государства, правового положения личности.

Исследование факторов и механизмов реализации политических и частных прав номинального гражданина показывает следующее. Нынешний политический порядок в России пронизывает противоречие между формальными нормами внешне современных политических институтов и неформальными практиками их функционирования. Конституционализм в России почти отсутствует: конституционный статус гражданина огра-

ничен писанным законом, конституция РФ не существует в виде действующего права как системы соблюдаемых сторонами обязательств. В результате реформ (административной, правовой системы и т.д.) был осуществлен принцип разделения властей, были подготовлены соответствующие законы, учреждены соответствующие органы, обеспеченные организационно и финансово. Однако все это функционирует лишь номинально. Принципиальной независимости исполнительная, судебная и законодательная ветви власти не обрели, поскольку реально была осуществлена монополизация всех государственных функций президентской властью. В результате политической борьбы, ведущейся с возникновения Конституционного Суда РФ и на протяжении двадцати пяти лет его существования, произошло ограничение его роли и функций в политико-правовой системе государства и чрезмерное возвышение президентской власти над всеми другими ветвями. В результате многочисленных законодательных и иных изменений КС РФ утратил роль высшего органа конституционного контроля и основного защитника прав и свобод граждан.

Действующих механизмов контроля гражданского общества над исполнительной властью и, особенно, над силовыми структурами, устанавливающих ответственность должностных лиц и органов власти за нарушения прав граждан, создано не было. Таким видом ответственности вряд ли можно считать отрешение Президентом РФ губернатора от должности. Основанием для отрешения от должности высшего должностного лица субъекта РФ по инициативе главы государства считается утрата доверия Президента РФ. Однако недоверие – это весьма субъективная моральная категория, к тому же по воле главы государства эта мера трансформировалась из института конституционно-правовой ответственности в меру ответственности политической. Применение данной меры ведет к нарушению конституционных принципов федерализма, народо-властия, разделения и независимости властей. Это необоснованное вторжение в компетенцию субъектов РФ по формированию органов государственной власти, связанное с концентрацией правоприменительных полномочий у Президента РФ.

Те или иные ограничения политических прав граждан начинаются уже на уровне законодательства. В результате политики последних лет, нормы функционирования механизмов контроля над исполнительной властью – парламента, оппозиции, СМИ, гражданского общества, органов местного самоуправления, были существенно ослаблены. Законы, принятые в 2000-2010-е годы по инициативе администрации Президента, значительно сократили полномочия институтов, ограничивающих его

власть и гарантирующих соблюдение прав граждан. Следствием процесса централизации власти на уровне законодательства и в практиках государственного управления стало сворачивание принципов федерализма и территориального самоуправления, уничтожение самостоятельности регионов. Практически окончательно перераспределена власть от субъектов РФ к Администрации Президента. Созданы многочисленные препятствия для существования политической конкуренции: реальная оппозиция не представлена в Государственной Думе, участие независимых кандидатов в депутаты в политической жизни стало невозможным. Чтобы понять совокупный эффект от всех этих мер, достаточно ознакомиться с многократно вносимыми поправками и применением таких законов, как «О назначении губернаторов» (2004), «О политических партиях» (2001), «Об общественных объединениях» (1995), «Об Общественной Палате» (2005), «О противодействии терроризму» (2006). В новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (2016) содержатся ограничения свободы мысли и слова, политической конкуренции, основополагающих принципов избирательного права – всеобщности, равенства, свободы, тайны голосования, прямого характера голосования и разумной периодичности выборов. Анализ законодательных и иных механизмов и способов концентрации властных ресурсов приводит к выводу о том, что российский государственный режим носит авторитарный характер. Политический порядок в России детерминируется гипертрофией личной власти главы государства, привилегиями доминирующей партии, огосударствлением СМИ, тотальным контролем за гражданским обществом, отсутствием обратной связи с населением.

Политические институты, ответственные за реализацию политических и иных прав граждан, не эффективны. Подавляющее большинство российских граждан не верят в возможность влиять на принятие государственных решений в стране и в результативность индивидуального и коллективного политического участия. Основой всего комплекса установок российских граждан в отношении к деятельности органов власти и политике является социально-политическое, правовое и моральное отчуждение.

Обладает ли массовый россиянин гражданской идентичностью, то есть является ли он *своим* среди целой нации, если он принадлежит к тому или иному меньшинству или если он не принадлежит к элите? Высказываются серьезные сомнения в том, что уже сформирована единая российская нация как основа национального государства. Население России представляет собой множество, разделенное на социальные ниши, кланы,

семьи, группы, в каждой из которых – разные основания деления на *своих и чужих*. Государственная власть способствует поляризации общества, делению его на инсайдеров – «политический класс», «элисту», и аутсайдеров – подавляющее большинство населения. Массовый гражданин в нынешней России фактически является аутсайдером.

С последним связано и специфически российское решение оппозиций *эгалитарное/элитарное и господство/подчинение*. Не работают институты и механизмы осуществления абстрактного юридического равенства между большинством населения и элитами. В российской политической системе элитарность (понимаемая не как избранность в силу индивидуальных достижений и заслуг, а нейтрально, как попадание в высший слой правящих) преобладает над эгалитарностью – «элита» господствует над массой и экономически, и политически, и посредством действующего права. Установка элиты на сохранение власти любой ценой порождает непрозрачность власти, стремление ликвидировать любые законодательные и фактические возможности открытой ротации управленческих кадров, доступа рядовым гражданам, активистам и лидерам общественно-политических движений к власти. Политическая система сегодняшней России *исключает* рядового гражданина из публичного обсуждения и принятия политических решений (законов), лишает доступа к распределению ресурсов и реализации прав и обязанностей, поощряя *неучастие* граждан в политике.

Как в России обстоит дело с реализацией принципов справедливости, правового равенства – всего того, что обозначается понятием *эгалитарного* ? Результаты реформы правовой системы в России, состояние правоохранительной и судебной систем, отношение россиян к суду, возможности судебной защиты прав граждан и соблюдения требования равенства сторон в судебном процессе показывают, что принципы верховенства права и равенства граждан перед законом почти не реализуются. Правом на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство номинально обладает все население России. Оно является гарантией осуществления всего спектра гражданских и политических прав со стороны правовой системы, особенно, судебной, поскольку позволяет восстановить уже нарушенные права. Осуществление этого права предусматривает реальный доступ гражданина (и человека) к правосудию, а его массовое нарушение подрывает доверие населения к судебной власти и государству. Однако массовый характер жалоб на нарушение права на справедливое судебное разбирательство, отсутствие справедливой процедуры для всех участников судебного процесса, отсутствие беспристрастности правосудия (суда) и независимости судей и т. д. говорят о том,

что судебная система зависима от исполнительной власти. У граждан РФ массово нарушаются и политические права, и частногражданские, и права человека. Это свидетельствует о том, что в России формально-правовой статус гражданина осуществляется избирательно, то есть этот статус не является универсальным, единым для всех социальных слоев. Принцип равенства перед законом не действует в отношении должностных лиц. Рядовой индивид не идентифицирует себя в качестве гражданина, субъекта гражданского общества и правового государства. Противоречие между номинальным статусом гражданина и реальным положением лица, беззащитного перед давлением правоохранительных, налоговых и иных органов государства, пронизывает жизнь и сознание российского обывателя.

Оппозиция организация/самоорганизация служит маркером степени развитости самоуправления в России. Речь о состоянии местного самоуправления как основании развитого гражданского общества, способного оказывать серьезное влияние на государство и государственное управление. К сожалению, приходится констатировать наличие негативных тенденций в этой сфере. Р. Ф. Туровский считает, что «местное самоуправление не выполняет имманентные ему функции агента локального сообщества и вместо этого стало агентом государственной власти, как федеральной, так и региональной» [Туровский 2015: 35]. Государственная власть (принципал) осуществляет такое управление, или организацию отношений, которое существенно ограничивает финансовую самостоятельность местного самоуправления (агента), в результате полномочия агента оказываются минимальными. Снижена финансовая автономия даже городских округов и региональных столиц, города фактически подчинены региональной власти по модели сити-менеджера, городские администрации превращены в филиалы региональных правительств. Все это приводит к ликвидации прямой связи института самоуправления и местного сообщества, что в свою очередь вызывает неприятие местного населения в способности органов местного самоуправления решать важные социальные задачи. Последнее способствует распространению гражданской пассивности, выражающейся в отсутствии возможности местного сообщества влиять на формирование корпуса мэров, а также в низкой явке избирателей на выборах мэров и представительных собраний.

Ментальное измерение феномена гражданина составляет совокупность социокультурных условий и возможностей, в числе которых правовая и политическая культура населения и элиты. Исследования показывают, что массовое сознание пронизывает недоверие к деятельности

любых органов государственной власти, отсутствие надежды на повышение их эффективности и правовой защищенности граждан в будущем. Для граждан характерен весьма низкий уровень правового сознания, которое к кому же разъедает правовой релятивизм в понимании фундаментальных ценностей – равенства перед законом, свободы, справедливости, закона, права. Несмотря на четверть века с начала судебной реформы, большинство населения воспринимает себя не в качестве полноправной стороны в судебных спорах с должностными лицами и органами государства, а традиционно как просителей милости, то есть подданных.

Представление о публичной и частной жизни российского гражданина, выражаемой оппозицией *частное/публичное*, дает нам изучение политической культуры. Населению присущ политический релятивизм, инструментальное отношение к политике как способу решения личных проблем (для элиты), пессимизм в оценке возможности влияния рядового гражданина на политику. Причины плачевного состояния публичной сферы обусловлены фрагментарностью социальной структуры общества, порождающей «партикуляристскую гражданственность» и препятствующей формированию универсальных норм взаимодействия. Политика как коллективная возможность коммуникации и согласования интересов остается невостребованной. Отсутствует институционализируемая публичность, индивиды являются членами замкнутых групп, в которых не поощряется толерантность по отношению к Другому (чужому) – мнению, интересам, социальному опыту. В России не формируется сфера политики, где могли бы быть выражены и согласованы интересы и ценности различных общественных групп при посредничестве политических партий, общественно-политических движений и других организаций. Граждане отчуждены от политики, поскольку государство регулярно применяет технологии политической эксклюзии. Гражданская культура присуща лишь малой части населения. Частная жизнь массового гражданина (частная собственность, личная свобода и неприкосновенность, безопасность) также не защищена от вмешательства государства. Исторически в России существовала система власти, покровительствующая подданным в обмен на их преданность, не ограниченная правом. В нынешних условиях действует инерция сохранения односторонней зависимости российского населения от верховной и региональной власти, проявляющейся в отсутствии разграничения приватного и публичного.

Все параметры, выраженные бинарными оппозициями модели гражданина, показывают, что отнести к россиянам понятие «гражданин»

можно лишь номинально. Напрашивается вывод о том, что в России слабо реализуется проект политической и иной модернизации, так как институты государства функционируют, по преимуществу, в качестве системы отстранения массового гражданина от участия в определении целей государственной политики и управления, а граждане не становятся значимыми субъектами политики. При этом существуют институты гражданского общества, которые ведут достаточно активную деятельность по защите тех или иных прав населения. Однако деятельность общественных объединений, хотя бы косвенно связанная с политикой, критикой деятельности органов государственной власти и должностных лиц, разными способами подавляется. На наш взгляд, в России зависимость гражданского общества от государства лишь усиливается. У нас не происходит не только «превращения буржуа в граждан», не формируется «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности» [Капустин 2011: 142], но законсервирован процесс формирования буржуа – среднего класса, массового «частного человека» как носителя базовых гражданских прав.

Используемая нами методология исследования отчасти основывалась на соотнесении нормативных концепций демократического транзита и реального положения отдельного россиянина, определяемого степенью реализации его политических и иных прав и свобод. Безусловно, она нуждается в развитии для более адекватного отражения специфики политической реальности в России. В последнее двадцатилетие нарастает критическое осмысление парадигмы транзита, внимание исследователей направляется на анализ реального политического порядка в посткоммунистических и иных странах, уже не представляющегося «переходным». Это требует корректировки методологии исследования с учетом неслучайного характера политического порядка в этих странах, того, что «естественные государства не больны», у них есть собственная логика эволюции и способность исполнить функции поддержания стабильности и порядка. Нужно признать, что «западные институты не могут быть просто пересажены в развивающиеся страны», и попытаться найти объяснение того, «почему сама динамика естественных государств (к которым относятся и Россия, и ряд бывших республик СССР. – *И. Ф.*) препятствует институтам открытого доступа или же перестраивает их под себя» [Норд, Уоллис, Вайнгаст 2011: 449]. Для этого необходимо отказаться от телеологии и жесткой обязательной логики поэтапного «перехода», свойственной парадигме транзита, и учета «специфического институционального наследия предшествующих режимов» [Карозерс 2003: 58]. Нужно осознать имеющиеся в ряде стран препятствия на пути демократизации:

чрезмерную концентрацию экономического могущества в руках правящей группировки, отсутствие границы между правящей партией и государством, скрытое, но целенаправленное сопротивление правящей группы и государственного аппарата реальной демократизации социальных и политических отношений [Карозерс 2003: 52, 59]. Расхождения между реальностью, складывающейся в посткоммунистических государствах, и положениями парадигмы транзита, уже фиксировались исследователями. Однако инерция в теории и методологии сказывалась на представлениях о политической ситуации.

В отечественных социальных науках существуют разные подходы к определению характера нынешнего политического порядка в России. Наиболее перспективной, по нашему мнению, является концепция неофеодализма (неопатримониализма). Она «позволяет объединить в систему разрозненные концепции, характеризующие те или иные особенности современной российской политики... Это такие концепты, как неформальные институты, клиентелизм, ресурсно-распределительная система, клановость, nepотизм и пр.» [Россия в поисках идеологий 2016: 212]. Данная парадигма позволяет исследовать сосуществование архаических, модерных и постмодерных явлений, отношений, процессов, которое в рамках транзитологии объяснить было невозможно. Концепция неофеодализма, основы которой заложены в ряде исследований, и в первую очередь в работах М. Н. Афанасьева [Афанасьев 2000], отталкивается от тезиса о тождестве власти и собственности и характеризует политический порядок в России как неопатримониальный. Благодаря этой концепции открывается возможность понять генезис и особенности политической системы в постсоветской России и характер отношений между индивидом и государством. А. Фисун выделяет следующие характеристики неопатримониальной модели государства: формирование класса рентоориентированных политических предпринимателей, использующих политические возможности слияния власти и собственности; частное использование государственно-административных ресурсов (силовых и фискальных структур), которые применяются для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов; ключевая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в экономике и политике [Фисун 2007: 23]. Еще одна черта данного порядка – направленность к архаике, «сырьевой авторитаризм, авторитаризм без развития» (Л. Г. Фишман) [Россия в поисках идеологий 2016: 197].

Модерные политические институты в современном российском политическом порядке составляют периферию, ядро же властно-

политической организации российского общества образует «рентно-сословный политический порядок» [Мартьянов 2016: 81]. В числе этих институтов – институт гражданства, конституционный статус гражданина, как и их ценностная основа – гражданская политическая культура. Следовательно, исследуя несоблюдение российским государством политических и иных прав гражданина, мы подвергаем критическому анализу находящиеся на периферии данной организации формы, имеющие имитирующий характер, но ядра этой властной организации не затрагиваем.

С точки зрения концепции нефеодализма основой социальной структуры российского общества является объем доступа, роль и статус той или иной группы населения в механизмах рентного политического порядка и распределения ресурсов. Это фундамент образования сословий в российском обществе. Взяв за основу способ получения ренты от государства, С. Кордонский выделил следующие сословия в российском обществе: 1) служилые сословия (власть) – политические элиты, государственные и муниципальные служащие, силовики; 2) рентозависимое большинство (народ) – бюджетники, пенсионеры, сотрудники естественных монополий; 3) предприниматели (самозанятое население); 4) маргиналы [Кордонский 2008]. Первая группа составляет 5 % населения, вторая – 65 %, третья – 15 %, четвертая – 15 %.

С учетом положений концепции нефеодализма некоторые элементы нашей модели гражданина, например бинарные оппозиции, выглядят иначе. Появляется возможность объяснить, в частности, причины наличного соотношения публичного и частного. «Специфической особенностью патримониализма является ... апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной, приватной сферы социума, в результате чего государство управляется как частное владение («вотчина») правящих групп, которые на основе системы власти-собственности приватизируют различные общественные функции и государственные институты» [Фисун 2007: 9–10]. Еще одной чертой российского политического порядка является сохранение им имперской структуры: «Внутренняя империя (властный аппарат, высшее сословие, партия власти, олигархи номенклатура и т.д.) является ядром, транслирующим свои интересы и управленческие импульсы на периферию (народ) с помощью нарративов государственных интересов, патриотизма, модернизации и т.д.» [Мартьянов 2016: 87]. В имперских обществах, связанных с патримониальными режимами, распределение ресурсов и принятие политических решений осуществлялось по центр-

периферийной модели. Периферия самостоятельно не распоряжалась собственными ресурсами и не определяла стратегию своего развития.

В настоящее время в России связь индивида и государства носит иной по сравнению с модерным институтом гражданства характер. Связь эта не двусторонняя, не политико-правовая, а асимметричная, патрон-клиентская. Это обусловлено разным характером отношений в «ядре» политического и экономического порядка и на «периферии». Политико-правовой статус массового индивида определяется тем, что граждане не рассматриваются государством в качестве основного экономического ресурса, но формально-юридически вынужденно считаются политическим ресурсом и источником легитимности власти. В сырьевом комплексе страны как источнике ренты занято всего 1,5 % населения, следовательно, большинство населения для ресурсного государства является лишним. Формальное гражданство в России не смягчает ни экономического, ни социального неравенства, порождаемого чрезвычайно высокой поляризацией в обществе. Развитие человеческого потенциала противоречит логике сословного ресурсного государства. Таким образом, статус гражданина как субъекта политического участия в принятии и исполнении государственных решений, в том числе по распределению общественных доходов, не функционален для российского государства. Поэтому данный статус и не становится универсальным, в правовом отношении равным для всех. Реальный статус индивида определяется наследием имперского принципа *господства/ подчинения*, по сути подданства, влиянием новой сословности и внешними элементами модернового гражданства. Он обусловлен двумя рядами противоречий: между «оболочкой» и «ядром» политического порядка, то есть между формально-декларативным его статусом и реальным положением в системе патримониальных отношений, но еще и между статусом граждан, относящихся к патронам, определяющим функционирование ядра патримониальных отношений, и статусом граждан, относящихся к клиентам, находящихся на периферии. Более того, неравенство в статусах, а, следовательно, и правовая и социальная иерархия граждан возникает еще и между клиентами «ядра» и периферии. Но проверка данной гипотезы требует дальнейших исследований. Условия существования российского гражданина и функционирование института гражданства в настоящее время показывают существенные расхождения с характером европейского гражданства.

Афанасьев М.Н. (2000). Клиентелизм и российская государственность. М.

Капустин Б.Г. (2011). Гражданство и гражданское общество. М.

Карозерс Т. (2003). Конец парадигмы транзита // Полит. наука. № 2.

Кордонский С. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.

Мартьянов В.С. (2016). Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // ПОЛИС. № 4.

Норд Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.

Россия в поисках идеологий (2016) : трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.

Туровский Р.Ф. (2015). Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // ПОЛИС. № 2.

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. 2016) [Электронный ресурс].

Фисун А. (2007). Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, полномочия // Отечеств. записки. № 6 (39).